

Майко В.В.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКЕ И НА ТАМАНИ В СЕРЕДИНЕ X В. (К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СМЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР)

Одним из наиболее спорных вопросов крымской средневековости является время и причины исчезновения т.н. салтово-маяцкой культуры Таврики. Он имеет обширную историографию, детально рассмотренную в отдельных работах. Тем не менее, для аргументированных выводов по данной проблеме, безусловно, необходимо хотя бы бегло проанализировать зафиксированную на сегодняшний день археологическую ситуацию, позволяющую судить о дате и возможных причинах прекращения функционирования салтовских памятников разных регионов полуострова и сопредельных территорий.

Практически все более или менее исследованные сельские салтово-маяцкие памятники **Керченского полуострова** несут следы единовременной гибели [Гадло 1980, с. 141], причем, большинство открытых построек, по мнению ученых, было оставлено одновременно [Гадло 1968, с. 79]. В.Н. Зинько и Л.Ю. Пономарев считают, что во второй половине X в. степные районы Керченского полуострова оказались под властью печенегов. Исследователи согласны с точкой зрения о том, что гибель салтовских поселений Керченского полуострова может быть связана с последствиями похода хазарского полководца Песаха, отмеченного в Кембриджском Анониме [Зинько, Пономарев 2005, с. 416–417].

Следы гибели именно середины X в. несут и некоторые памятники салтовского времени **юго-западного Крыма**. Во-первых, речь идет о времени прекращения существования долговременных склеповых могильников типа Скалистого. Корреляция наиболее поздних датирующих находок позволяет утверждать, что позже общепринятой даты существования салтовской культуры полуострова они не функционируют.

На мой взгляд более ясная ситуация с датировкой времени разрушения т.н. второй оборонительной линии Баклинского городища и синхронных ей жилых и хозяйственных построек (т.н. зеленоватый слой). Нижняя его хронологическая граница – середина IX в. достаточно аргументировано обоснована А.В. Сазановым [Сазанов 1994, с. 42–46]. Относительно времени прекращения существования и гибели оборонительной линии и сооружений согласиться трудно. По мнению автора, это происходит в середине XI в. и связано с разрушениями на Мангупе [Сазанов 1994, с. 54–56]. В качестве хронологических индикаторов приводится тщательный разбор времени существования высокогорлых кувшинов, ойнохой т.н. баклинского типа и поливной белоглиняной керамики, причем последняя выступает в роли одного из главных хронологических индикаторов [Сазанов 1994, с. 46–53].

Во-первых, верхняя дата существования высокогорлых кувшинов действительно спорна. Однако в юго-восточной и южной Таврике они не доживают до конца XI в., о чем свидетельствуют многолетние раскопки Сугдеи, Алустана, Партенит. Схожая ситуация наблюдается для Херсонеса и памятников юго-западного Крыма. В Тмутаракани они не могут сосуществовать с т.н. веретенообразными амфорами с гребенчатым рифлением и высокоподнятыми ручками. За пределами крымского полуострова и Тамани эти импортные для данных территорий сосуды, возможно, доживают и до начала XII в., что, конечно, нуждается в дополнительных доказательствах и не может быть хронологическим индикатором для памятников Таврики.

Во-вторых, верхняя дата существования ойнохой баклинского типа, как и время начала их производства, так же спорны. Тем не менее, совершенно очевидно, что они не могут существовать дольше времени функционирования печей, их производивших. Эти печи, где обжигались и местные амфоры причерноморского типа, прекращают свое существование примерно в середине X в.

В-третьих, большинство из выделенных типов белоглиняной византийской поливной керамики [Талис 1976] появляется в Таврике примерно в середине IX в., с чем согласен и наш оппонент. Более поздним временем датируется время появления всего двух из тринадцати типов и одного варианта [Сазанов 1994, с. 52–53], что вызвано, вероятно, примесью «сверху» [Баранов, Майко 1997, с. 23, рис. 1, 1–8]. Таким образом, отсутствие в рассматриваемом

зеленоватом слое периода функционирования и гибели второй оборонительной системы городища Бакла византийских амфор с воротничковым венчиком, кухонной и столовой посуды типичной для этого времени, не позволяет согласиться с предложенной А.В. Сазановым датой гибели городища в рамках середины XI в. Приведенные материалы, на мой взгляд, красноречиво свидетельствуют о том, что разрушения на Баклинском городище в принципе аналогичны разрушениям в Сугдее, по основным показателям близки и археологические комплексы.

В стратиграфии наиболее исследованного южнобережного городища **Алустона** так же зафиксированы следы пожаров, перекрывших некоторые жилые постройки городища. В настоящее время их зафиксировано 4, хронологически трудно различимые и датируемые со второй четверти X по 60-е гг. X в. За пределами крепости - I слой пожара X в. [Мыц, Адаксина 1999, с. 125]. На мой взгляд, их связь с нашествием печенегов проблематична и трудно доказуема. В тоже время, один из слоев пожара, а не исключено, что и первоначальный пожар, можно связать именно с походом хазарских войск Песаха¹. Вместе с тем следует отметить, что такой характерной для юго-восточного Крыма принципиальной смены материальной культуры в южной части полуострова не происходит. Правда, полностью исчезают из обихода причерноморские амфоры местного производства, происходит смена и кухонной посуды.

Стратиграфически аналогичная картина зафиксирована Е.А. Паршиной и при раскопках **Партенит**, где материалы салтовомаяцкого времени четко отделены от последующих древностей, аналогичных материалам Сугдеи и Алустона [Паршина 1991, с. 78] и датируемых также серединой X в. В это время на памятнике фиксируются разрушения, связываемые автором раскопок со стихийным бедствием, возможно землетрясением [Паршина 1991, с. 95], доказательств чему практически никаких пока не приведено. Интересно, что последующая планировка торжища не совпала с предшествующей.

Интересные дополнительные данные дают материалы раскопок Храма Апостолов Петра и Павла в Партените (Партенитская базилика), произведенные в 1998-2001 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа. Для нас представляет наибольший интерес помещение

¹ Выражаю искреннюю признательность В.Л. Мыцу за устное сообщение, не отраженное в публикации.

1, исследованное на раскопе 4 в 2000-2001 гг., пристроенное к вероятной монастырской ограде и связываемое авторами раскопок с трапезной или хозяйственной постройкой самого монастыря [Адаксина 2007, с. 171-173]. Исходя из стратиграфии его заполнения, четко выделяется горизонт разрушения объекта и слой его функционирования. Фиксируется и слой, подстилающий пол. Наибольшей удачей является, несомненно, то, что в нем обнаружена монета Константина Багрянородного с соправителями (до 945 г.), ясно свидетельствующая о том, что помещение возникает не ранее середины X в. Разрушение его, судя по нумизматическим находкам, в конце 60-х – начале 70-х гг. XI в. связано, по мнению авторов раскопок, с землетрясением, сопровождавшимся пожаром [Адаксина, Кирилко, Мыц 2001, с. 12; Адаксина и др. 2001, с. 19-26]. Археологический материал из заполнения совершенно аналогичен по составу керамического комплекса синхронным объектам юго-восточного Крыма. В этой связи интересен совершенно обоснованный вывод исследователей о том, что первоначальные стены самого храма синхронны данной постройке. Синхронны они и Мангупскому и Пампук-Кайскому храмам [Адаксина 2007, с. 171]. Вероятнее всего, базилика, которую принято считать Партенитской, возникает примерно в середине X в. Это не исключает тот факт, что первоначальная Базилика, связанная с именем Иоанна Готского, находилась не здесь. Однако сам храм пока не открыт. Отдельные фрагменты кладок на территории монастыря, вероятно, датируются ранее середины X в., но связанный с ними материал не обнаружен. Для решения вопроса необходимы масштабные раскопки, в данный момент невозможные.

Таким образом, перед нами яркая картина пока первоначального изученного этапа застройки монастырской территории, приходящегося на середину X в. Именно с этого времени появляется археологический материал, аналогичный встреченному и в юго-восточном Крыму.

Наиболее сложная картина с аналогичными пожарами середины – второй половины X в., которые зафиксированы в стратиграфии **Херсонеса**, хотя некоторые из них могут иметь отношение к осаде города войсками Владимира. Расчленив их стратиграфически достаточно сложно, мало помогают археологические материалы и нумизматические находки. Общеизвестно, что проблема соотношения «слоев разрушения и пожаров X в.» [Романчук

1989, с. 187] с конкретными историческими событиями, в частности с походом киевского князя Владимира, одна из наиболее сложных, тенденциозных и запутанных. Существует немало работ, посвященных уже историографическому анализу историографических работ [Романчук 1989, с. 182–188; Беляев 1990, с. 153–164]. Точки зрения полярные, концепции разнообразные. Безусловно, решение этой сложнейшей проблемы зависит от тщательности стратиграфической фиксации и анализа всего комплекса находок и, прежде всего, керамического материала [Золотарев, Ушаков 1997, с. 36]. Нет смысла рассматривать этот вопрос подробно без соответствующего анализа огромного накопленного материала именно с такой точки зрения. Предварительно в качестве постановки вопроса можно сказать, что некоторые элементы керамических комплексов, появляющихся в юго-восточном Крыму в середине X в. сразу после гибели салтовской культуры полуострова, в это же время фиксируются и в комплексах Херсонеса, в том числе и в слоях пожаров, являясь своеобразным хронологическим, а, возможно, и этническим индикатором. При таком подходе, на мой взгляд, не исключена постановка вопроса об археологических свидетельствах похода на Херсонес хазарского полководца Песаха. Напомню, что об этом событии, несмотря на некоторые утерянные места, совершенно определенно идет речь в упоминавшемся Кембриджском Анониме. Причем, в отличие от нескольких описаний похода Владимира, Кембриджский Аноним недвусмысленно говорит о штурме и взятии города хазарскими войсками. В последнее время реконструировать данный отрывок упомянутого документа попытался К. Цукерман [Цукерман 1996, с. 70–71]. Согласно автору, из описания осады Херсона можно заключить об использовании военной хитрости осажденными византийцами, военном столкновении и заключении мира на условиях выплаты контрибуции. В русле предложенной реконструкции текста [Цукерман 1996, с. 71] не исключено, что состоялось и какое-то военное столкновение с оставшимися отрядами Хе-л-гу, искавшими защиты у византийцев за стенами Херсонеса.

В последние годы чрезвычайно важные материалы получены при исследовании зольника на территории Херсонесского городища².

² Ступко М.В., Туровский Е.Я. Некоторые вопросы нумизматики византийского Херсона // Доклад на V Международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Судак, 23-24 сентября 2010 г.

Судя по многочисленному нумизматическому материалу и чрезвычайно богатому керамическому комплексу, объект четко датируется серединой X в. При этом, это, наверное, самый мощный средневековый зольник города, имеющий много общих черт с зольниками средневековых Сугдеи и Алустана.

Исходя из сохранности средневековых слоев **Мангула**, выделить период второй половины X в. среди немногочисленных древностей т.н. фемного (середина IX - середина XI в.) [Герцен, Науменко 2006, с. 388] этапа чрезвычайно сложно. В настоящее время материалы второй половины VIII – первой половины X вв. на территории памятника обнаружены в нескольких местах, в том числе и на территории наиболее изученной части городища – цитадели. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть стратиграфические горизонты 2 и 3 в раскопках 1998, 2003 гг. на юго-восточном склоне мыса Тешекли-Бурун [Герцен, Науменко 2006, с. 384–432; Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006, с. 378–409]. Благодаря подробной публикации есть возможность проанализировать керамический комплекс слоев. Не повторяя подробного описания керамического комплекса из слоя 2, датированного феофоритским временем, необходимо отметить присутствие в нем фрагментов тонкостенной кухонной керамики второй половины X-XI вв. [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006, с. 383] и двух фрагментов кухонных салтовских горшков предшествующего времени [Герцен и др. 2006, с. 462 рис. 22 2,3]. Ко второй половине X-XI вв. относятся и фрагменты поливной керамики группы «Glazed White Ware II», согласно типологии Д. Хейса, а к более раннему времени, синхронному салтовской керамике, отдельные фрагменты группы «Glazed White Ware I», по той же типологии. Таким образом, совершенно ясно, что горизонт перемешан, и в нем можно четко выделить материалы второй половины X-XI вв. Находки салтовского времени, как и раннесредневековые артефакты логично рассматривать как примесь снизу.

Проясняет ситуацию следующий стратиграфический горизонт № 3, отнесенный к фемному периоду. Судить о его нижней хронологической границе на основании обнаруженных материалов сложно, но вероятно, исходя из большого количества высокогорлых кувшинов, она приходится на середину – вторую половину IX в. Основная же масса тарной керамики представлена амфорами причерноморского типа и причерноморскими амфорами с зональным

рифлением. Трудно согласиться с мнением исследователей о том, что верхняя хронологическая граница этих амфор, какой бы тип или вариант их ни рассматривать, приходится на вторую половину X или даже на начало XI вв. При обосновании датировки авторы часто обращаются к хронологическим разработкам А.В. Сазанова. Однако при обосновании времени гибели салтовских праболгарских памятников полуострова исследователь ограничивает хронологические рамки бытования причерноморских амфор второй половиной IX в. [Сазанов, Могаричев 2008, с. 576].

В настоящее время большинство исследователей согласно с тем, что византийские «сфероемкостные» и «воротничковые» амфоры появляются на полуострове с середины X в. и получают чрезвычайно широкое распространение в Таврике во второй половине этого столетия. Ни в одном из известных мне закрытых салтовских комплексов юго-восточного Крыма, где причерноморские амфоры встречены массово, византийские амфоры указанных типов не встречены. В Таврике они не сосуществуют. При хорошо налаженном местном производстве амфор импорт византийских был совершенно не нужен. Таким образом, византийские амфоры и в юго-восточном, и в юго-западном Крыму сменяют местные причерноморские, верхняя хронологическая граница которых приходится примерно на середину X в. Кухонная керамика, составляющая около 6% от общего числа керамических находок, представлена, к сожалению, маловыразительными фрагментами. Столовая керамика представлена ойнохойями баклинского типа, в том числе и шаровидными. Поливная керамика содержит фрагменты, относимые и к группе «Glazed White Ware II» и «Glazed White Ware I». Таким образом, на мой взгляд, горизонт 3 также перемешан. Основная масса находок относится ко второй половине IX – первой половине X вв. Яркий аналог этому комплексу – керамический комплекс из усадьбы у подножия Мангула [Науменко 1997, с. 324-340], несмотря на его естественное своеобразие, он типичен для середины IX – второй четверти X вв., с чем согласен и автор исследований [Науменко 1997, с. 334]. Однако и здесь присутствуют находки второй половины X в. (прежде всего поливная керамика GWW II), которые необходимо рассматривать как примесь «сверху». В качестве предположения можно констатировать, что фемный период Мангупского городища, как и других городских памятников юго-восточного и юго-западного Крыма, четко распадается на

два этапа: второй половины IX – первой половины X вв. и второй половины X – середины XI вв.

Возможность выделения горизонта второй половины X–XI вв. на Мангупском городище ярко подтверждают так же полно опубликованные раскопки 1976 г. (раскоп X) жилого комплекса на мысе Тешекли-Бурун с тыльной стороны северо-западной куртины цитадели [Герцен, Науменко 2001, с. 127–151]. Зафиксированный горизонт интересующего нас времени связан с функционированием и гибелью постройки, сохранившейся, к сожалению, фрагментарно. К тарной керамике относятся численно преобладающие высокогорлые кувшины с ленточными ручками, отдельными фрагментами представлены «воротничковые» византийские амфоры. Мелкие фрагменты раннесредневековых амфор справедливо рассматриваются как примесь снизу. Гончарная керамика представлена широкогорлыми шаровидными тонкостенными сосудами с широкой профилированной ручкой [Герцен, Науменко 2001, рис. 4, 9-13]. Морфологически они идентичны встреченным в стратиграфическом горизонте 2 на юго-восточном склоне мыса Тешекли-Бурун. Основную массу поливной керамики составляют сосуды группы «GWW II». Таким образом, исходя из многочисленных аналогий в комплексах раннесредневековой Сугдеи, Боспора и Партенит, данный горизонт можно предположительно датировать в рамках второй половины X–XI вв.

Синхронный горизонт обнаружен и возле описанного выше сооружения. Частичное его исследование проводилось в 1999 г. Так, в слое «разрушения» 4 участка хозяйственного двора к северо-востоку от помещения 1 здания 14 на площади квадрата O раскопа XI в слое разборки каменного завала, в переотложенном состоянии зафиксирован фрагмент оранжевоглиняного кувшина с орнаментом в виде кружков и линий [Герцен 2000, рис. 64, 6]. Из этого же горизонта происходят фрагменты поливных византийских тарелок группы GWW-II и фрагменты высокогорлых кувшинов. Материалы второй половины X–XI вв. происходят и из заполнения тарапана. Они представлены фрагментом крышки с защипами по краю верхнего бортика [Герцен 2000, рис. 95, 12], фрагментами высокогорлых кувшинов из верхнего слоя заполнения объекта и многочисленными фрагментами высокогорлых кувшинов (34% от состава керамического комплекса) и фрагментами кухонных

горшков с ленточными ручками [Герцен 2000, рис. 96, 8] типа 1 по типологии кухонной керамики населения юго-восточного Крыма второй половины X–XI вв. из нижнего горизонта заполнения тарапана.

Таким образом, перед нами археологический эквивалент позднего этапа фемного периода истории Мангула, предварительно датированного в рамках второй половины X–XI вв. А.Г. Герцен и В.Е. Науменко сами отмечают, что жизнь на Мангуле во второй половине X в., несмотря на сокращение размеров обжитой территории, продолжается. Возникают и используются тарапаны, продолжает функционировать оборонительная система, некрополи. Дополнительный и очень важный аргумент, позволяющий конкретнее представить события, происходившие на городище, недавно правильно атрибутированная надпись конца X в. на крепостной стене главной линии обороны в Табана-Дере [Виноградов 2009, с. 262–271]. Эта надпись, на мой взгляд, позволяет конкретизировать и время «мангупской катастрофы» XI в. Активно используется крестообразный храм. Согласно периодизации В.Л. Мыца, храм возникает на рубеже IX–X вв., о чем свидетельствует археологический материал второй половины IX – первой половины X вв. [Мыц 1990, с. 228, рис. 4, 1–6, 8–11]. Судя по фрагменту ранней «воротничковой» амфоры [Мыц 1990, с. 228, рис. 4, 7], в середине X в. происходит его перестройка, возможно связанная с пожаром, зафиксированным на полу северного придела. Материал из слоя пожара, вероятнее всего, синхронен обнаруженному в кладке северной стены притвора. Гибель храма и связанного с ним поселения датируется концом X в. и объясняется нашествием печенегов [Мыц 1990, с. 240]. Однако относительно последнего суждения, какие-либо аргументы отсутствуют. Как и в связи с чем происходила смена двух этапов фемного периода в середине X в., вопрос дискуссионный. Время прекращения их функционирования, исходя из опубликованного в настоящее время материала, определить сложно.

Схожие процессы происходят в первой половине X в. в **Подонье**. По мнению А.В. Гадло, прекращение существования салтово-маяцкой культуры на этой территории, связываемой с западной группой т.н. асов, результат не столько нашествия печенегов, сколько карательной акции против вассальных племен, расселенных в свое время на границах каганата, объединенного

хазаро-аланского войска. Покоренные асы-асии были расселены хазарами в верховьях Кубани, откуда их предки были расселены вдоль западных границ каганата [Гадло 1994, с. 22]. Совершенно справедливо полагают исследователи, что в первой половине X в. собственно Асия и Алания Северного Кавказа были отдельными государствами [Гадло 1994, с. 22; Цукерман 1998а, с. 96–97], имевшими и отличительные особенности материальной культуры. Последние связаны, в том числе, и с наличием у аланского варианта определенного типа курильниц [Каминский, Цокур 1998, с. 19], имеющих аналогии в материальной культуре и юго-западного Крыма. Политическую активность хазар в первой половине X в. подтверждают и другие письменные источники, зафиксировавшие участие хазарских отрядов и в военных операциях правителей политических образований Дагестана [Гмыря 1996, с. 60–61]. С другой стороны, в 20-е гг. X в., исходя из данных письменных источников, происходит несколько военных столкновений между адыгами и хазарами. Последние руками усмирённых до этого в 932 г. алан покоряют адыгов и пытаются поставить там хазарского ставленника. Часть адыгского населения устремляется к морскому побережью [Гадло 1989, с. 14].

Характерная ситуация зафиксирована и для раннесредневековых поселений степных районов Центрального Предкавказья на территории Ставропольской возвышенности. Согласно археологическим материалам, в начале второй половины X в. оседлость, представленная этими поселениями, исчезает. По мнению А.В. Гадло, основанному на анализе материальной культуры, резкий подъем Алании в середине X в. был связан не только с процессами, проходившими в предгорной полосе, но и с миграцией с территории Ставропольской возвышенности в предгорья значительных масс населения, которые обитали здесь в VIII–IX вв. и оставили указанные поселения [Гадло 1975, с. 77–78]. Однако автор так и не объяснил, чем же была вызвана эта миграция.

Единовременную гибель поселений салтово-маяцкой культуры Подонцовья отмечает К.И. Красильников [2009, с. 52–82]. Исходя из исследований автора, на некоторых объектах зафиксированы следы пожаров. Вместе с тем встречаются постройки, имеющие явные следы поспешного оставления (рассыпанные бусы, заполненные печи, не собранное оружие и т.д.). Исследователь датирует прекращение жизни на поселениях X в., однако не

склонен связывать эти катастрофические события с набегами печенегов. За все годы исследований в Подонцовье в материалах памятников обнаружена только одна печенежская стрела. Вместе с тем, согласно справедливому мнению К.И. Красильникова, данный регион Хазарии являлся одной из главных житниц каганата. Земледельческое производство и хранение зерна были главной специализацией замкнутых общин праболгар Подонцовья. После гибели каганата спрос на такое количество земледельческой продукции в государстве был не нужен, следовательно, хозяйственный уклад праболгар Подонцовья был полностью нарушен. Каким, однако, образом это сказалось на прекращении жизни на поселениях, сказать пока сложно.

Очень важную информацию для понимания процессов, приведших к гибели салтово-маяцкой культуры Крыма, дают материалы раскопок **Таматархи-Тмутаракани**. Пожары середины-второй половины X в., зафиксированные в стратиграфии этого уникального памятника, – неоспоримый факт [Кропоткин 1958, с. 218; Богословская, Богословский 1992, с. 8-9; Макарова 1998, с. 357]. Этот вопрос имеет обширную историографию, которая сама может стать темой отдельного исследования. Наиболее полно историография проблемы времени и механизма перехода Тмутаракани под русский протекторат изложена в обширной работе В.Н. Чхаидзе [2006б, с. 140–142].

Стратиграфия культурных напластований Таматархи-Тмутаракани, разработанная И.И. Ляпушкиным и С.А. Плетневой, поддерживается современными специалистами. Она является реперной и для хронологии памятников Таманского полуострова «Тмутараканского периода». Согласно исследованиям, проведенным, в частности, при раскопках остатков крепостной стены, выделяется «предпожарный» культурный горизонт. Однако, что явилось стратиграфическим критерием для этого и основанием для датировки первой половиной X в., сказать сложно. Состав находок (преобладание тмутараканских кувшинов, византийские амфоры, поливная керамика, стеклянные браслеты) характерен для середины - второй половины X в. Как известно, перекрывающий его слой пожара датируется херсоно-византийскими монетами Романа II. Далее выделяется горизонт, характерной особенностью которого является отсутствие салтовской кухонной и лощеной керамики, преобладание кухонной гончарной керамики без орнамента,

преобладание тмутараканских кувшинов, импортные византийские амфоры Константинопольского производства и с воротничковым венчиком, поливная керамика и стеклянные браслеты. Причем амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» составляют большинство. В этом слое встречена и бежевоглиняная лощеная керамика, покрытая красноватым или оранжевым ангобом с прорезным орнаментом в виде концентрических кружков и линий, заполненных белой пастой. В слое встречены и немногочисленные горшки с одной плоской ручкой, изготовленными из того же теста и в тех же мастерских, что и высокогорлые кувшины с плоской ручкой. Датируется горизонт второй половиной X – началом XI вв.

Далее прослежен мощный горизонт XI–XII вв. с преобладанием поздних вариантов воротничковых амфор, значительным уменьшением количества тмутараканских кувшинов, небольшой примесью древнерусской посуды и преобладанием местной гончарной неполивной керамики, импортной поливной посуды и стеклянных браслетов. Выделение слоя конца XII в. условно.

Наиболее подробно материалы, происходящие из раскопок Таматархи-Тмутаракани, приведены в монографии В.Н. Чхаидзе [2008], сделавшего, по сравнению с публикациями предшественников, значительный шаг вперед. При всех несомненных положительных качествах книги, к сожалению, автор не считает хронологическими индикаторами время появления «сфероемкостных» и «воротничковых» амфор, стеклянных браслетов, орнаментированной лощеной керамики, время прекращения производства причерноморских амфор. Однако, на мой взгляд, это именно те критерии, которые и позволяют нам отделить «таматархский» период городища от «тмутараканского» и выяснить, когда и насколько кардинально происходит смена материальной культуры. Исследователь же не пытается проанализировать те комплексы, где впервые появляются византийские амфоры, стеклянные браслеты, желтоглиняная орнаментированная лощеная керамика, новые типы кухонной посуды, и где, вместе с тем, уже не фиксируются причерноморские. Без такого детального анализа выяснить проблему смены материальной культуры Таматархи-Тмутаракани не представляется возможным.

Совершенно очевидно, что исходя из современного анализа письменных источников, состояния хронологических разработок и имеющегося в распоряжении материала, датировка «предпожарного»

слоя, слоя пожара и перекрывающего горизонта условна. Традиционно она подчинена событиям похода Святослава 965-966 гг., которые очень неоднозначно трактуются исследователями. Необходимо еще раз напомнить, что в ПВЛ нет упоминания о взятии Таматархи Святославом, речь дословно идет о «... [и] Ясы победы и Касоги» [ПСРЛ 1997, с. 65]. Ничего не сообщают об этом и арабские авторы, которым Тмутаракань была отлично известна. В последнее время специалисты все более склоняются к точке зрения о том, что никаких археологических свидетельств взятия Святославом Таматархи, впрочем, как и Итиля, не существует [Чхаидзе 2006б, с. 141; Петрухин 2010, с. 525]. Более того, сообщения ПВЛ о войне с ясами и касогами, считается более поздней вставкой и повествует о событиях времен Владимира [Петрухин 2010, с. 525, прим. 3]. Такие факты, как ликвидация хазарской администрации, независимость «Тмутараканского острова» или вхождение города в состав Византийской фемы Боспора, захват города Владимиром в 988-989 гг., окончательное вхождение в состав Древнерусского государства, археологическими источниками пока подтверждены быть не могут.

На мой взгляд, наиболее важным представляется тот непреложный стратиграфический факт, что материальная культура Тмутаракани претерпевает резкие изменения именно со второй половины X в. По сути дела полностью исчезают не только мастерские по производству салтовской кухонной и столовой посуды, кардинально переориентируются и торговые связи. Тарная керамика, за исключением тмутараканских кувшинов, отныне становится исключительно импортной византийской. Совершенно правы исследователи, утверждающие, что увеличение процентного содержания высокогорлых кувшинов с этим связано непосредственно. Нельзя не учитывать и факт присутствия кочевнической лепной керамики. Отстраиваются старые и возникают новые жилые постройки, возведенные на фундаментах предшествующих, но свидетельствующие о преемственности традиций домостроительства. При этом совершенно очевидно, что во второй половине X в. Тмутаракань переживает экономический подъем, массовым становится византийский импорт, усиливаются связи с юго-восточным Крымом. Сходные тенденции наблюдаются и на всей территории Таманского полуострова. По мнению Я.М. Паромова, исчезновение здесь салтовских поселений, возникновение новых и «переориентация» старых свидетельствуют

о существенных изменениях и в этническом составе населения.

Конкретизируют эти положение материалы раскопок сельских поселений Таманского полуострова, входивших в округу Тмутаракани. Одни из наиболее ярких примеров гибели памятника - исследования поселения Веселовка-2 на северо-западном берегу Кизил-Ташского лимана у подножия юго-западного склона возвышенности Макитра [Горлов, Чхаидзе 2008, с. 187-195]. Раскопками четко зафиксировано, что каменные цоколи домов, сложенные техникой кладки «в елку» первого стратиграфического слоя, перекрыты прослойкой золы толщиной до 0.10 м. Ее появление, согласно авторам, связано с гибелью данного сооружения [Горлов, Чхаидзе 2008, с. 189].

Другой пример представляют материалы раскопок **Фанагорийского** городища. Значительная историография проблемы гибели этого городища коротко, но емко изложена в работе В.Н. Чхаидзе [2008а, с. 399], что избавляет от излишних повторений.

Подробный анализ «средневековой» археологической ситуации на городище, особенно его последних этапов, приведен в работе В.Д. Кузнецова и Л.А. Голофаст [2010, с. 393-429]. Речь идет об археологических комплексах, исследованных в ходе масштабных работ в центральной части городища на краю верхнего плато. Во-первых, все эти комплексы отражают последний период функционирования построек, а наиболее поздние находки - время их гибели. Керамические комплексы практически одинаковы по составу. Подавляющее большинство амфорной тары составляют сосуды причерноморского типа самых поздних вариантов и наиболее поздние формы кухонной посуды. Они абсолютно идентичны наиболее поздним салтовским комплексам Боспора и Сугдеи. По мнению исследователей, характер археологизации материала свидетельствует о поспешной брошенности активно функционировавших построек ввиду внешней опасности [Кузнецов, Голофаст 2010, с. 418]. Примечательно, что такая же картина характерна и для других раскопанных участков Фанагории [Атавин 1988, с. 22]. В.Д. Кузнецов и Л.А. Голофаст датируют это событие концом IX в., возможно рубежом IX-X вв. Однако, при отсутствии датирующих находок, главным аргументом для датировки является начало вхождения в обиход высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. В этой связи необходимо отметить, что в

закрытых комплексах Сугдеи первой половины - середины X в., т.е. синхронных фанагорийским, высокогорлые кувшины составляют значительное меньшинство. Так, в комплексе на участке куртины XV Судакской крепости на 7 целых форм причерноморских амфор всего один высокогорлый кувшин [Баранов, Майко 1996, с. 86, рис. 2]. Такая же ситуация и в портовой части Сугдеи. Таким образом, вероятнее всего основная масса построек Фанагории прекращает свое существование в середине X в.

Более сложен и запутан вопрос о том, продолжалась ли жизнь на территории городища в «тмутараканское» время. Как известно, А.Г. Атавиным было раскопано два здания, считающиеся более поздними по отношению к большинству средневековых объектов городища. Однако, первый дом на участке берегового стратиграфического раскопа 1982-1985 гг., судя по отсутствию фрагментов византийских амфор, синхронен основной массе построек и просуществовал до середины X в. Датировка 920-ми гг., предложенная А.Г. Атавиным [1988, с. 22; 1992, с. 174] и поддержанная В.Н. Чхаидзе [Чхаидзе, Атавин 2005, с. 353; Чхаидзе 2008а, с. 399], возможна, но обоснована нумизматическими находками, не связанными с комплексом. Второй объект, обнаруженный в 1989 г. к западу от берегового стратиграфического раскопа, представлен зданием с каменным цоколем «в елку». Здесь среди находок основного периода существования Фанагории встречено 3-4 десятка фрагментов воротничковых амфор, несколько стеклянных браслетов. На мой взгляд, приведенные два объекта не синхронны. Если в случае с первым комплексом датировка 920-е гг. возможна, то во втором случае – неприемлема. Наличие во втором комплексе «воротничковых» византийских амфор, так же как и стеклянных браслетов, появляющихся в Северном Причерноморье, никак не раньше середины X в. яркое этому свидетельство. С эти согласны и другие специалисты [Кузнецов, Голофаст 2010, с. 421]. То есть перед нами комплекс второй половины X-XI вв. со значительной примесью материала «снизу». Таким образом, совершенно очевидно, что жизнь на территории Фанагории, по меткому выражению В.Д. Кузнецова и Л.А. Голофаст, «продолжала теплиться» [2010, с. 421; Чхаидзе 2008а, с. 399]. Как известно, косвенным аргументом в пользу этого является наличие к северо-востоку от горы Майской плитового некрополя с погребальным инвентарем, содержащим монеты Василия II и Константина IX [Кобылина 1949, с. 51].

Намного уверенней о существовании жизни на салтовских поселениях Таманского полуострова после середины X в. можно судить по средневековым материалам раскопок городища Келы. Судя по подробной публикации В.Н. Чхаидзе [2006а, с. 488-517], только на раскопах «Е» (Юго-Восточный), «Ж» и «приколодезном» «Г» обнаружены отдельные находки салтовского периода, датируемые до середины X в. [2006а, с. 494-495]. Вероятнее всего, возникшее на развалинах античного городища средневековое поселение было очень незначительным по площади. В середине X в. происходит перепланировка и значительное увеличение площади поселения. Культурные горизонты и отдельные остатки каменных цоколей домов, сложенных техникой кладки «в елку» (раскопки 1967 г., раскоп «В» Центральный), обнаружены почти по всей площади античного городища. Все комплексы содержали «воротничковые» амфоры и фрагменты высокогорлых кувшинов, следовательно, датируются второй половиной X-XI вв. Таким образом, вполне можно согласиться с В.Н. Чхаидзе в том, что говорить о полном исчезновении средневекового поселения на месте античных Кел в «тмутараканский» период нельзя. Добавим, что, наоборот, в «тмутараканский» период оно процветает и, очевидно, существенно превосходит по площади и значению Фанагорию.

Таким образом, материалы раскопок в портовой части Сугдеи пока единственные на полуострове, где в слое пожара, перекрывшего жилые постройки салтовского времени, обнаружены монеты 40-х гг. X в. Аналогичные портовому комплексы известны практически на всей раскопанной территории средневековой Сугдеи. Они демонстрируют как следы гибели, так и следы брошенности. Совершенно аналогичные Сугдейским комплексы известны на Боспоре и практически на всех сельских памятниках Керченского полуострова. Картина там примерно одинаковая. Комплексы Керчи перекрыты слоем пожара, сельские поселения носят следы заброшенности. Материальная культура южнобережных памятников, объектов юго-западного и северо-западного Крыма также меняется примерно в то же время. Какие-либо катаклизмы, за исключением, возможно, природных (Партениты), здесь не отмечены. Тем не менее, планировка объектов второй половины X в. часто не совпадает с предшествующей. Археологическим фактом является присутствие в стратиграфии Херсонеса «довладимировых» пожаров X в.

На мой взгляд, археологические реалии Таманского полуострова наиболее близки ситуации в юго-восточном Крыму. Однако в отличие от Таврики, жизнь на сельских поселениях за некоторым исключением продолжается. Четко вырисовывается и единый главный городской центр, ставший к концу столетия стольным городом.

Подводя некоторые итоги, на сегодняшний день можно констатировать, что в предшествующее салтово-маяцкое время степень заселенности средневекового Крыма была очень высока. Количество известных только по разведкам и раскопкам памятников составляет более 100. После их гибели в этой части средневековой Таврики жизнь продолжается только в двух крупнейших городских центрах - Боспоре и Сугдее. При этом ни один известный археологический комплекс Сугдеи и Боспора салтово-маяцкого времени не переживает середину X в. До сегодняшнего дня, кроме единичных кочевнических погребений, ни одного сельского или другого городского поселения не обнаружено. Безусловно, необходимо учитывать недостаточную археологическую изученность региона. Однако это не объясняет данный феномен, учитывая, что на южном берегу Крыма и на Тамани сельские поселения этого времени в небольшом количестве, но есть.

Вероятно, главную роль в этом играл т.н. печенежский фактор. Согласно сведениям Константина Багрянородного, в середине X в. угроза со стороны печенегов была одной из главных забот внешнеполитической деятельности Византии на северных границах империи. Эта опасность сохранялась и в течение первой половины XI в. Заинтересованные в развитии торговли, кочевники не мешали развитию приморских городских центров, каковыми и являлись Сугдея и Боспор. Труднодоступными были горные территории южного бережья, Херсонес и его округа, единственные из местностей Таврики, находились под постоянным контролем Византии. В крымских же степях, судя по отдельным известным на сегодняшний день погребениям, в течение ста лет безраздельно властвовали печенеги.

На современном этапе исследований нельзя с точностью указать дату прекращения существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры. К тому же, обусловленный множеством объективных и субъективных причин, он, наверняка, был растянут во времени. Поход же хазарского полководца Песаха был, вероятно, последней точкой, означавшей конец этого процесса.

Литература

- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет о раскопках храма монастыря святых Апостолов Петра и Павла в Партените (Партенитская базилика) в 2000 г. // Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 4. Инв. № 645, папка № 1049.
- Адаксина С.Б. Еще раз о христианизации Крыма и о Партенитской базилике / С.Б. Адаксина // А. В.: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 165-173.
- Атавин А.Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья / А.Г. Атавин // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. М., 1988. С. 20-22.
- Баранов И.А. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост / И.А. Баранов, В.В. Майко // БСП.-Т V. В.Тырново, 1996. С. 71-88.
- Баранов И.А. Поливная керамика Сугдеи второй половины X в. / И.А. Баранов, В.В. Майко // Византия и Крым. Тез. докл.-Симферополь, 1997. С. 21-23.
- Беляев С.А. Поход князя Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса) / С.А. Беляев // ВВ. Т. 51. 1990. С. 153-171.
- Богословская И.А. Исследование средневековых слоев Таманского городища / И.А. Богословская, О.В. Богословский // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992. С. 8-9.
- Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя / А.Ю. Виноградов // АДСВ. Вып. 39. Екатеринбург, 2009. С. 262-271.
- Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) / А.В. Гадло // КСИА. № 113. 1968. С. 78-84.
- Гадло А.В. Памятники салтово-маяцкой культуры в центральном Предкавказье / А.В. Гадло // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа.-Махачкала, 1975. С. 74-78.
- Гадло А.В. К истории восточной Таврики в VIII-X вв. / А.В. Гадло // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Вып. 17, 1980. С. 130-145.
- Гадло А.В. Тмутороканские этюды. II / А.В. Гадло // Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.3. 1989. С. 11-17.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. / А.В. Гадло.-Л., 1994. 216 с.

Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999 г. Приложения. Т. III. // Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 4, инв. № 629, папка № 1029.

Герцен А.Г. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 127-151.

Герцен А.Г. К истории цитадели Мангула [по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун] / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // АДСВ. Вып. 37. Екатеринбург, 2006. С. 384-432.

Гмыря Л.Б. Хазария и политические образования Прикаспийского Дагестана в VII-XII вв. / Л.Б. Гмыря // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). М., 1996. С. 58-62.

Горлов Ю.В. Средневековое поселение Веселовка-2 на Таманском полуострове / Ю.В. Горлов, В.Н. Чхаидзе // Древности Боспора. Т. 12. М., 2008. С. 187-195.

Зинько В.Н. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата / В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарев // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 406-429.

Золотарев М.И. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989-1990 гг.) / М.И. Золотарев, С.В. Ушаков // ХС. Вып. VIII. Севастополь, 1997. С. 30-45.

Каминский В.Н. Из истории аланских племен северо-западного Кавказа / В.Н. Каминский, И.В. Цокур // Древности Кубани. - Вып. 8. Краснодар, 1998. С. 14-22.

Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция / М.М. Кобылина // КСИИМК. Вып. XXVII. М., 1949. С. 46-51.

Красильников К.И. Население степного Подонцовья в хазарское время / К.И. Красильников // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009. С. 52-82.

Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чефут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) / В.В. Кропоткин // СА. Т. XVIII. 1958. С. 198-218.

Кузнецов В.Д. Дома хазарского времени в Фанагории / В.Д. Кузнецов, Л.А. Голофаст // ПИФК. № 1(27). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. С. 393-429.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи / Т.И. Макарова // МАИЭТ.-Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 344-393.

Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангула / В.Л. Мыц // СА. № 1. 1990. С. 224-242.

Мыц В.Л. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустана / В.Л. Мыц, С.Б. Адаксина // Stratum plus. Время денег.-СПб., Кишинев, Одесса. № 6. 1999. С. 123-127.

Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангула / В.Е. Науменко // БИАС. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 324-339.

Паршина Е.А. Торжище в Партенитах / Е.А. Паршина / Византийская Таврика. К., 1991. С. 64-100.

Петрухин В.Я. Трансконтинентальные связи Древней Руси и поход Святослава на хазар / В.Я. Петрухин // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. К., 2010. С. 522-526.

Работы южно-крымской археологической экспедиции в 2000 г. / [С.Б. Адаксина, М.И. Золоторев, В.П. Кирилко, В.Л. Мыц] // Отчетная археологическая сессия за 2000 год. СПб., 2001. С. 19-26.

Романчук А.И. "Слои разрушения X в." в Херсонесе / А.И. Романчук // ВВ. Т. 50. 1989. С. 182-188.

Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. / А.В. Сазанов // Проблемы истории и археологии Крыма.-Симферополь, 1994. С. 42-56.

Сазанов А.В. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму / А.В. Сазанов, Ю.М. Могаричев // ПИФК. Вып. XXI. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. С. 572-589.

Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) / [А.Г. Герцен, А.Ю. Землякова, В.Е. Науменко, А.В. Смокотина] // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 2. Симферополь, 2006. С. 371-494.

Талис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища / Д.Л. Талис // СА. № 4. 1976. С. 63-87.

Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии / К. Цукерман // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 68-80.

Цукерман К. Страна Азия Константина Багрянородного и Азия

Кембриджского Анонима / К. Цукерман // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь.-СПб., 1998. С. 96–97.

Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы / В.Н. Чхаидзе // ДБ. № 10. М., 2006а. С. 488–517.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии / В.Н. Чхаидзе // МИАСК. Вып. 6. Армавир, 2006б. С. 139–174.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове / В.Н. Чхаидзе. М., 2008. 328 с.

Чхаидзе В.Н. Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье / В.Н. Чхаидзе // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008а. С. 398–419.

Чхаидзе В.Н. Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X-XVIII вв.) / В.Н. Чхаидзе, А.Г. Атавин // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 348–358.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АДСВ	Античная древность и средние века
БНАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник
БСП	Българите в Северното Причерноморие
ВВ	Византийский временник
ДБ	Древности Боспора
КСИА	Краткие сообщения института археологии АН СССР
КСИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ НА НАНУ	Крымский филиал Института археологии НАН Украины
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИАСК	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры
СА	Советская археология
ХС	Херсонесский сборник

Резюме

В статье рассмотрена археологическая ситуация, фиксируемая на археологических памятниках Таврики т.н. крымского варианта салтово-маяцкой культуры. Сделан вывод о том, что процесс прекращения их существования, вероятно, был растянут во времени на протяжении первой половины X в. Точную дату установить в настоящее время сложно, отсутствуют надежно датированные археологические комплексы. Главными факторами являлась политическая ситуация, связанная с появлением в причерноморских и крымских степях печенегов, и распад Хазарии, который привел к переориентации основной хозяйственной деятельности населения, связанной с виноделием. Не исключено, что последнюю точку в процессе гибели салтово-маяцкой культуры Таврики поставила карательная акция хазарского полководца Песаха.

Resume

In article the archaeological situation fixed on archaeological monuments of so-called Crimean variant of saltovo-majaki culture of Taurica is considered. The conclusion that process of the termination of their existence, possibly, has been stretched in time throughout first half of X century. Exact date is drawn to establish now difficult, there are no reliably dated archaeological complexes. Primary factors was the political situation connected with occurrence in Black Sea and Crimean steppes pechenegs and disintegration of Hazaria which has led to the reorientation of the basic economic activities of the population connected with winemaking. It is not excluded that last point in the course of destruction of saltovo-majaki culture of Taurica was put by the retaliatory action of Hazaria commander Pesah.